

Лю Хэ восседал на тахте, нахмутив брови, углубленно изучая шахматную партию. Когда раздался голос Лю Юэ, он быстро обернулся и с улыбкой сказал:

— Юэ, не стоит церемониться, вставай.

Лю Хэ, которому не было и сорока, был мощного телосложения, с горящим взглядом тигра и заметным шрамом на скуле. В этот момент он улыбался, но от него веяло еще более сильным, невидимым давлением.

— Благодарю отца.

Увидев, что тот встал, Лю Хэ произнес:

— Юэ, подойди, взгляни на эту партию. Есть ли способ ее решить?

Лю Юэ подошел ближе и встал в стороне, внимательно и серьезно изучив доску. Эта партия была простой и понятной, достаточно было всего двух ходов, чтобы легко разрушить построения противника, однако отец колебался, не решаясь сделать решающий ход. Видимо, он просто напускал на себя важность.

Лю Хэ улыбнулся:

— Юэ, ты придумал, как решить?

Лю Юэ ответил:

— Отец, у сына есть способ решить партию.

Он взял из чашечки две белые фишки и, следуя намеченному плану, сделал ход. Белые фигуры, которые казались обреченными, в одно мгновение получили шанс переломить ситуацию.

Лю Хэ громко рассмеялся:

— Юэ, ты смысленный, этот ход великолепен.

В сердце Лю Юэ холодно усмехнулся, но на лице его появилось выражение легкого смущения:

— Отец так хвалит сына, что тот, боюсь, зазнается.

Лю Хэ не мог перестать смеяться:

— Я позволяю тебе гордиться.

Лю Юэ, поняв, что момент настал, поспешил опуститься на колени и тихо произнес:

— Отец, сегодня сын встретился с герцогом Юна наедине, что является нарушением правил. Прошу отца наказать меня.

Лю Хэ убрал улыбку и спокойным тоном спросил:

— По какому делу?

— Старший сын герцога, Вэй Цзиньюань, хочет стать учеником господина Ли Чжояня, но из-за

того, что у господина Ли нет постоянного места жительства, он просил сына передать за него слова.

Лю Юэ стоял на коленях, и его тело временами слегка дрожало.

Лю Хэ, глядя сверху вниз на него, спросил:

— Я слышал, что этот Вэй Цзинъюань с малых лет не любит воинские искусства. Правда ли это?

— Отвечая отцу: Вэй Цзинъюань действительно не любит боевые искусства.

Лю Хэ произнес:

— Тогда почему он желает стать учеником Ли Чжояня?

Лю Юэ низко опустил голову и сжался:

— На днях Вэй Цзинъюань нечаянно упал в пруд с лотосами и несколько дней был без сознания. Сейчас он уже выздоровел и хочет изучить немного кулачного искусства для укрепления здоровья.

Лю Юэ, вероятно, сам не заметил, как стал говорить в защиту Вэй Цзинъюаня.

Видя, как Лю Юэ дрожит, произнося эти слова, Лю Хэ почувствовал жалость и поспешил сказать:

— Стать учеником — дело хорошее. Раз Вэй Гохуай обратился к тебе с просьбой, ты передай слова Ли Чжояню.

Лю Хэ спустился с тахты и подошел к Лю Юэ:

— Юэ тоже давно не покидал дворец. Когда Вэй Цзинъюань будет проходить обряд принятия в ученики, ты сможешь выйти из дворца, чтобы присутствовать на церемонии.

— Благодарю отца.

На лице Лю Хэ появилась улыбка:

— Иди.

— Сын откланивается.

Лю Юэ сделал вид, что облегченно вздохнул, и, пятясь назад к выходу, украдкой вытер рукавом пот со лба. Это действие как раз попало в глаза Лю Хэ. Когда Лю Юэ вышел за дверь, Лю Хэ почувствовал угрызения совести. Из всех сыновей только Лю Юэ всякий раз трепетал при виде него. Видимо, он все же проявлял к нему недостаточно любви.

В тот же вечер указ императора достиг дома герцога Юна. За исключением старой госпожи, все собрались в главном зале для принятия указа. Евнух Сюй передал устный указ, повелевая Вэй Гохуаю организовать церемонию принятия в ученики, а также вручить Вэй Цзинъюаню в дар короткий меч. Вэй Гохуай и Вэй Цзинъюань приняли указ, а затем пригласили евнуха Сюя немного отдохнуть, после чего проводили его за ворота особняка.

— Вот уж законный наследник — законный наследник, даже принятие в ученики может потревожить императора, — госпожа Люй наблюдала за суетой, не переставая язвительными словами задевать госпожу Ван.

Эти слова возымели действие. Госпожа Ван холодно хмыкнула:

— Что император сделал подарок — это хорошо, только боюсь, наш Юань так ничему и не научится.

Она холодно усмехнулась, повернув голову к госпоже Люй:

— Сестра, слыхала ли ты поговорку: «Хотел нарисовать тигра, а вышла собака»? Это значит, что получилось нечто неуклюжее и нелепое.

Госпожа Ван приподняла руку, прикрыв рот платком, и тонко рассмеялась.

Госпожа Люй пренебрежительно усмехнулась:

— Слова сестры как нельзя лучше подходят. Взгляни на кулачные приемы Цуня, в них действительно виден стиль господина.

Госпожа Ван с гордостью произнесла:

— Цунь всего лишь демонстрирует цветистые приемы, его нельзя ставить на одну ступень с господином.

Старшая госпожа Чэнь, долго терпевшая это в стороне, не выдержала:

— Полную чушь несете, не боитесь потерять лицо и дать слугам повод посмеяться?

Госпожа Ван и госпожа Люй поспешно закрыли рты, но на лицах их все еще читалось самодовольство.

Когда Вэй Цзиньюань вернулся вместе с Вэй Гохуаем, все уже разошлись.

В главном зале Вэй Цзиньюань передал короткий меч, подаренный императором, слуге Юаньбао, приказав тому бережно его хранить. После того как Юаньбао ушел, Вэй Цзиньюань поклонился и спросил:

— Отец, нужно ли выбрать день для церемонии принятия в ученики?

— Хорошо, поручи это дело своей матери, — безэмоционально ответил Вэй Гохуай.

Вэй Цзиньюань увидел, что у отца на душе что-то есть, и произнес:

— Если у отца нет других приказаний, сын откланивается.

— Иди, — ответил Вэй Гохуай.

Вэй Цзиньюань вернулся в свои покои и приказал Юаньбао принести короткий меч, подаренный императором. Он бережно держал его в руках, внимательно разглядывая. Вэй Цзиньюань полагал, что дело с принятием в ученики будет скромным, достаточно будет преподнести шесть даров наставнику, и всё пройдет гладко. Неожиданно это событие потревожило самого императора, и он даже даровал этот меч. Что же за этим скрывается?

Видимо, отцу придется снова планировать.

Поскольку император издал устный указ, весть о том, что Вэй Цзинъюань становится учеником, очень быстро разнеслась по всей столице. Будь то императорские родственники или знатные роды, все начали тайно готовить подарки.

На следующий день после полудня, когда Вэй Цзинъюань отдыхал в беседке, он увидел, как Юаньбао, словно ветер, бежит в эту сторону. Подбежав, Юаньбао, тяжело дыша, произнес:

— Мо... молодой господин, гос... господин Ли приехал в наш дом.

Вэй Цзинъюань поспешил спросить:

— Ты говоришь, господин Ли приехал?

Юаньбао энергично закивал:

— Господин Ли сейчас разговаривает с господином. Вам лучше поторопиться туда.

Вэй Цзинъюань отложил книгу:

— Пойду посмотрю.

Он шел по каменной дорожке, вошел в длинную галерею и быстрым шагом добрался до главного зала. Только он подошел к двери, как услышал, как Ли Чжоянь смеется и говорит:

— Я, Ли Чжоянь, никогда не придавал значения пустым церемониям.

Вэй Цзинъюань не совсем понял смысл, но переступил порог и вошел в комнату:

— Цзинъюань приветствует отца и господина Ли.

Ли Чжоянь много лет не видел Вэй Цзинъюаня. Сейчас, увидев его в бамбуково-зеленом длинном халате, с нефритовым поясом на талии — холодном и изящном, с чуть нахмуренными бровями и живыми умом глазами, — он ему все больше нравился. Ли Чжоянь поспешил сказать:

— Сколько лет не виделись, а Юань уже стал таким взрослым.

Услышав, как Ли Чжоянь так его называет, Вэй Цзинъюань нахмурился еще сильнее:

— Цзинъюань приветствует господина Ли.

— Ты же скоро станешь моим учеником, почему до сих пор называешь меня господином Ли? Следует называть меня наставником.

Ли Чжоянь улыбался во весь рот, в сердце еще больше ожидая услышать это слово «наставник».

Вэй Гохуай, увидев, что Вэй Цзинъюань застыл на месте, поспешил улыбнуться:

— Господин Ли обратил внимание на Юаня — это его честь и его удача. Но все же церемонии следует соблюдать. Через три дня будет благоприятный день, тогда прошу господина Ли снизойти до нашего дома. В тот день Юань сам назовет вас наставником.

Ли Чжоянь поспешно замахал рукой:

— Я, Ли Чжоянь, всегда ненавидел эти излишние церемонии. К тому же, хотя я и наставник третьего принца в воинском искусстве, я ни разу не слышал, чтобы он называл меня наставником. Это печаль в сердце Ли, и теперь, когда Юань желает стать моим учеником, я обязательно хочу услышать, как он назовет меня наставником уже сегодня, иначе не успокоюсь.

Вэй Цзиньюань в этот момент понял: из-за статуса Лю Юэ Ли Чжоянь не смел заставить того называть себя наставником, и чтобы восполнить это сожаление, он пренебрег этикетом, желая услышать это слово из уст Вэй Цзиньюаня.

Вэй Гохуай не ожидал, что Ли Чжоянь будет так настойчив. В неловкости ему пришлось с трудом сохранить улыбку.

Вэй Цзиньюань, видя, как Ли Чжоянь смотрит на него с горящими глазами, понял, что сегодня ему не избежать. Он просто приподнял полы одежды, опустился на колени и серьезно произнес:

— Наставник наверху, прошу принять поклон ученика.

Вэй Гохуай опешил:

— Это...

Ли Чжоянь не дал Вэй Гохуаю договорить, встал и, сделав три шага вперед, помог Вэй Цзиньюаню подняться:

— Хорошо. С этого дня ты — мой ученик, ученик Ли Чжояня.

Вэй Цзиньюань улыбнулся и кивнул. С этого дня он смог приблизиться к Лю Юэ еще на один шаг.

Хотя отношения учителя и ученика между Вэй Цзиньюанем и Ли Чжоянем и были определены, это устное принятие в ученики в конечном итоге не соответствовало правилам приличия и было слишком поспешным. Если об этом станет известно наружу, люди обязательно будут смеяться над Вэй Гохуаем. Однако лодка уже ушла, и Вэй Гохуаю было больше нечего сказать.

— В доме уже приготовлено вино и простая еда, прошу господина Ли не отказать откусать, — Вэй Гохуай больше не упомянул о принятии в ученики, а вежливо пригласил Ли Чжояня остаться на трапезу.

<http://bllate.org/book/16673/1529334>